

Елена Ворон

Дело о БРИТАНСКОЙ ОСЕ

Елена Ворон

Дело о британской осе

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Ворон Е.

Дело о британской осе / Е. Ворон — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

«Старый добрый английский детектив» в неожиданном преломлении: приключения бывшей россиянки в Соединенном Королевстве. Доставшийся в наследство роскошный особняк, солидный счет в банке, старинный замок... И подозрение в убийстве мужа, которое падает на молодую вдову. А также покушение на частного детектива, к которому обращается Кэт. Погоня со стрельбой и ужас холодного подполья. Наконец, отчаянная влюбленность, которая едва не стоит Кэт жизни. А убийцей оказывается... Впрочем, это лучше узнать из романа.

© Ворон Е.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Дело о британской осе	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Елена Ворон

Дело о британской осе

Дело о британской осе

Глава 1

До той девицы мне не было никакого дела. Я бы ее и вовсе не заметила, если б она не запнулась коленом об угол моей скамьи и не буркнула:

– Простите.

Я подняла взгляд. Девица уселась за соседний столик, оглянулась, кого-то высматривая, вынула из сумочки зеркальце и принялась себя разглядывать. К ней подошла официантка, однако девица не потрудилась ничего заказать.

Старые клены на Луна-сквер начинали желтеть; темными глыбами стояли двух- и трехэтажные дома из дикого камня, который в прошлые времена добывали на западной оконечности Линдон-Айленда. Павильон кафе был стилизован под деревенский дом. Черепичная крыша, стены «под кирпич», красно-белая вывеска Crazy Fox Cafe – «Кафе безумной лисицы»; вынесенные на площадку перед павильоном столики сбиты из крашеных черных досок. Стоял теплый сентябрь, день был тихий, пасмурный, посетителей в кафе всего двое – я да эта девица.

Девица была противная. Волосы, как рыжая пакля; жесткий рот, уродливые черные очки. И черные джинсы с черной рубашкой. Можно подумать, рыжая нарочно явилась в «Безумную лисицу», чтобы мы оказались рядом: мои кудри Джон сравнивал со спелой пшеницей на закате, и я тоже в черном. Только на мне бархатное платье, а не штаны в облип.

Я глотнула остывающий кофе, съела вишенку из пирожного. Перекушу – да и двинусь, нечего сидеть по соседству с пародией.

На столик возле чашки легла фотография; краем глаза я заметила, как отдернулась положившая ее рука. В удивлении, я уставилась на снимок.

Он был очень хорош собой, тот молодой человек у полосы морского прибоя. Темноглазый блондин в расстегнутой куртке то ли кого-то звал, то ли отвечал на вопрос. Он встревожен, подумалось мне, и вряд ли счастлив в жизни. Какое удивительное лицо. И он чем-то напоминает Джона...

– Эй!

Я вскинула голову. Это рыжая крикнула «Эй!» Она сидела выпрямившись, глядя на меня. Опять мелькнула чужая рука, схватила фотографию и исчезла. Я обернулась; какой-то парень удирал со всех ног.

– Эй! Вы... – снова крикнула девица; голос оборвался. Она зыркнула по сторонам, подхватила с места и тоже пустилась наутек, юркнула в аллею между старинными особняками.

Незнакомец с фото скрылся на Молли-стрит, я осталась сидеть одна со своим недоумением. Что за ерунда? Зачем мне предъявили снимок неотразимого блондина?

Парень ошибся, осенило меня. Фото предназначалось для той девицы! Немудрено перепутать: мы обе рыжие, обе в трауре. Только отчего же он так перепугался, осознав свою ошибку?

В «Безумную лисицу» забрела влюбленная пара. Они не сводили друг с друга глаз, мололи вздор, хохотали во все горло, захлебываясь своим счастьем. Линдон-айлендцы

вообще довольно шумный народ. К тому же они весьма бесцеремонны и не похожи на типичных англичан, какими их себе представляет весь мир. Остров Линдон – самый южный остров Соединенного Королевства, и его жители англичанами себя не считают. Они в такой яростной оппозиции к Лондону, что даже движение на острове правостороннее, как в Европе.

Интересно, кто он такой, – темноглазый блондин на фотографии. Какое красивое, необычное лицо. Подобные лица не забываются – я узнаю его в любой толпе... Для чего класть фото на столик в кафе? Вообще говоря, так работают наемные убийцы. Посмотрит – запомнит. Девушка – киллер? Почему бы нет? Один жесткий рот чего стоит... Сегодня вышла путаница, однако фото блондина ей покажут в другой раз. Я встала из-за стола. Задумано убийство, намечена жертва – и даже киллер известен в лицо! Надо бежать в полицию.

Расплатившись, я двинулась по Молли-стрит – той самой улице, где скрылся сплотившийся заказчик преступления. Но может, он и не заказчик, а передаточное звено. Да и рыжая, возможно, не киллер, а, скажем, клиентка бюро знакомств... или еще какой-нибудь службы. Хм. Не повернуть ли мне домой?

Ноги вмиг утратили резвость. Не желали они идти в полицию – и я их отлично понимала. Явиться пред грозные очи инспектора Филдса? Он и без того подозревает меня во всех грехах. В животе противно холодело, когда я вспоминала его взгляд исподлобья, ледяной голос, неожиданные вопросы. Слава Богу, что к смерти Джона я не причастна. Хотя мотив для убийства был налицо, спору нет.

– Вы молоды, миссис Гленн, и привлекательны, – прямо заявил Филдс. – И наследуете немалое состояние. А мистер Гленн годился вам в отцы.

Согласна. Джон был старше на двадцать восемь лет. Он и относился ко мне как к ребенку: носил на руках, баловал, дарил дорогие игрушки. Подарки меня и трогали, и забавляли. Ну, зачем, спрашивается, дарить лошадь, если я боюсь любых зверей крупнее кошки? А горные лыжи зачем? А вертолет? Милый, бедный мой Джон. Будто в предчувствии смерти он спешил излить на меня всю оставшуюся в его сердце любовь. Он любил меня так, как никто на свете не любил, я из России уехала только ради него – а вовсе не ради красивой жизни. Однако инспектор Филдс даже не подозревал меня – он впрямую обвинял. Как будто я прикатила на Линдон-Айленд единственно затем, чтобы выскочить замуж за миллионера и через полгода остаться богатой вдовой.

– Не знаю, как заведено в России, – наседали инспектор, – а у нас осы не набрасываются на людей, кусая в сонную артерию. Так, чтобы наповал. Смерть через несколько минут.

– По-вашему, я выдрессировала осу и натравила на мужа?

– Осу нетрудно поймать и посадить человеку на шею. – Филдс давил меня тяжелым взглядом. – А вы, дорогая миссис Гленн, – единственная, кто выиграл от его смерти. Ни родственники, ни первая жена, ни его сын не сорвали куш, ради которого стоило бы сводить мистера Гленна в могилу...

Не знаю, на что он рассчитывал. Допустим, выжал бы из меня признание – но ведь ни одной улики, ни единого свидетеля у него бы не нашлось. Оса давным-давно улетела, и никто не подтвердил бы, что бедного Джона сгубила коварная я.

Вновь иметь с Филдсом дело я бы не пожелала и врагу.

Умные ноги сами собой остановились. Да какое место выбрали! Молли-стрит, 69. Узкий трехэтажный дом, окна первого этажа – стеклопакеты европейского стандарта, а выше – старинные, с частым переплетом. На первом этаже находится адвокатская контора «Треиси и сыновья», а также сыскное агентство Р.П.Лоу. Сюда-то я и зайду.

Тяжелая дверь распахнулась, на улицу вылетела разъяренная дама. Шляпа на затылке, три подбородка трясутся, юбка обтягивает сплошной жир. Вероятно, ревнивая жена, которая наняла детективов шпионить за супругом.

За дверью был вестибюль и освещенная лестница; адвокатская контора – налево, агентство Р.П.Лоу – направо. Я толкнула дверь с табличкой и оказалась в маленьком светлом холле. Две кадki с растениями, несколько кресел и стол для секретарши, еще одна дверь – очевидно, в кабинет Лоу. Пусто: ни секретарши, ни клиентов. Я постучалась в дверь кабинета.

Она резко открылась, я едва не получила в лоб. Еле успела отшатнуться.

– Вы!.. – начал рассерженный мужчина и осекся. – Прошу прощения, мисс. Заходите, пожалуйста. Я – Рой Лоу.

В кабинете было два стола: у окна и в углу; перед каждым стояло кресло для посетителей. Стол в углу был пуст, на другом находилась стопка бумаги, телефон и деревянный стакан с коллекцией ручек и карандашей. Рой Лоу подвинул мне кресло, уселся за стол и сплел пальцы в замок.

– Слушаю вас, мисс.

Ему было лет сорок, и он слегка походил на Джона – такой же благородный лоб, седина в волосах. На этом сходство кончалось: Джон был поджарый и спортивный, а детектив имел изрядное брюшко. Впрочем, он был симпатичный. Я улыбнулась ему, и он улыбнулся в ответ. Все хорошие люди напоминают мне Джона.

– Так чем могу служить?

– Я Кэтрин Гленн. Вдова Джона Гленна.

У сыщика в глазах мелькнула тень узнавания. Наша история была ему известна. В Линдон-Тауне ее знает каждая собака.

Я начала описывать происшествие на Луна-сквер. Лоу слушал, уставясь на свои сплетенные пальцы, изредка поднимая веки, из-под которых поблескивали голубые глаза. Рассказанная вслух, повесть о блондине на фото и киллере казалась сущей нелепицей, однако Лоу отнесся к ней всерьез.

– Вы правы, миссис Гленн: это и впрямь странно. Будьте добры, опишите еще раз фотографию. Поподробней.

– Он стоит у кромки воды, волны набегают на песок. За спиной – только море, ни лодки, ни катера. Куртка дорогая, теплая; она расстегнута, но видно, что погода прохладная – то ли поздняя осень, то ли зима. Под курткой толстый свитер.

– Лицо?

– Он хорош собой. Очень. Лицо удивительное. На грани мужественности. То есть... мужественное и в то же время... так тонко вылеплено! Глаза длинные, брови вразлет, четкая линия скулы...

Я умолкла. Детектив сидел со скупающим видом.

– Дайте карандаш – я нарисую.

Лоу подвинул лист бумаги и вынул из стакана карандаш. Несколько минут я сосредоточенно трудилась. Что-что, а портреты мне удаются, целая галерея собрана.

– Вот. Полюбуйтесь.

Почему-то я ожидала, что сыщик восхитится незнакомцем, но Лоу лишь поджал губы, рассматривая рисунок. Затем он сложил лист и убрал в ящик стола.

– Вы его прежде не встречали?

– Никогда.

– Вы уверены? – Он вдруг посмотрел взглядом инспектора Филдса – с недоверием, исподлобья. Опять меня подозревают! В чем?

– Мистер Лоу, – проговорила я оскорбленно, – будь мы знакомы, я знала бы, где искать. И не обратилась бы за помощью к вам.

Детектив задумчиво почесал подбородок.

– Миссис Гленн, скажите: не случилось ли после смерти вашего мужа других странных происшествий?

Он меня озадачил.

– Вроде бы нет.

– Подумайте.

Я пожала плечами.

– Со мной вообще ничего не происходит. Никаких событий, время стоит, не знаешь, куда себя деть. Джон нуждался во мне – это главное. А теперь я словно в пустоте, все чужие, страна чужая. – Что правда, то правда: ни единой душе нет до меня дела, да и мне самой никто не нужен... Разве что судьба темноглазого парня тревожит. – Мистер Лоу, найдите его. Пожалуйста. Вдруг ему и впрямь грозит опасность?

– Миссис Гленн, еще вопрос: чем вы сейчас занимаетесь?

– Ничем. – Загорячели уши. Лоу сочтет, что я от скуки не знаю, об какую стену кинуться, и нарочно придумываю себе проблемы. Но после смерти Джона я точно обмотана паутиной, которая не дает дышать, чувствовать, жить; я будто наполовину умерла. – В доме есть прислуга, в саду копается Невил и не позволяет срезать цветы; порой приносит несколько чахлах хризантем – из тех, что похуже. А я дни напролет гуляю по городу, иногда ухожу в поля.

– В поля?

– Я хороший ходок... А расстояния здесь пустяковые.

– В полях тоже бродите в вечернем платье?

Я расправила юбку на коленях. Дорогой бархат, изысканный фасон.

– Это траур, мистер Лоу. И мужу нравилось, когда я одевалась в черное.

Ну почему Джон не отогнал проклятую осу?! Всего лишь движение руки – и остался бы жив.

Детектив порылся в столе и выудил визитную карточку. На ней значились два телефона: номер агентства и домашний.

– Миссис Гленн, если в доме появятся чужие либо произойдет что-нибудь необычное, поставьте меня в известность.

Я сунула визитку в сумочку.

– Сколько с меня?

Лоу замялся и не слишком уверенно ответил:

– Три фунта.

– Разве услуги сыщика стоят дешевле? У вас такой вид, будто вы собрались меня облапошить.

Он рассмеялся – на мой взгляд, несколько принужденно.

– Вы проникательны, юная леди. На деле с вас причитается тридцать фунтов аванса...

– И еще триста тридцать по завершении дела, – подхватила я.

– Именно. Ничего себе заданьице: найди незнамо кого, незнамо где, незнамо как.

Я рассталась с ним в убеждении, что Лоу вообще не хотел брать деньги.

Глава 2

Закрыв за собой чугунную калитку, я зашагала по аллее к дому. По обе стороны тянулись сложенные из камня невысокие стены, как будто оставшиеся от древних римлян, и росли всевозможные цветы. Надо отдать должное Невилу: садовник не зря ест свой хлеб, и цветы у него бесподобны. За «римскими руинами» стояли подстриженные липы. Они выглядели совсем по-летнему, зелень на ветвях еще не выцвела, но под ногами уже шелестели опавшие листья. Впереди белел Гленн-холл. Издали двухэтажный особняк казался павильоном, построенным для прогуливающих гостей, а господский дом, должно быть, скрыт в глубине парка... Однако другого дома не было.

Гленн-холл построен в начале века Бенджамином Лейком. Он круглый, с высокими окнами, отделан светло-серым мрамором и украшен полуколоннами и скульптурами в нишах. Добротное, дорогое жилье. Впрочем, дом без Джона оказался чужим и ненужным, и я не чувствовала себя его хозяйкой.

Поднявшись по широким округлым ступеням, я потянула на себя резную дверь. Она такая большая, что диву даешься: разве можно стронуть ее с места? А дверь открывается легко, точно сдуваешь пушинку.

Я вошла в холл, в зеркалах замелькали черные отражения. На второй этаж вели две лестницы зеленого мрамора.

– Мррра-а! – с правой лестницы скатился Сэр Фрэнсис Дрейк, здоровенный сиамский кот цвета подгорелого безе. Сэр Фрэнсис немолод и тяжеловат, но в остальном парень хоть куда. – Мррра-а! – он в два прыжка взмыл мне на плечо. Не устаю удивляться: после его упражнений на одежде ни дыр, ни зацепок. Кот с Джоном были не разлей вода. – Мррра-а! – громко сказал сиамец мне в ухо. «Рад тебя видеть. Где была?»

Придерживая кота на плече, я поднялась на второй этаж и зашла в свою спальню. Это единственное место в доме, которое я по-настоящему обжила. Светлая мебель и серо-голубые ткани дают ощущение воздуха и простора, здесь легко дышится, думается и спится. На круглом столике у окна – цветы в вазе и свадебная фотография. Джон обнимает меня за плечи, его иссиня-серые глаза лучатся, и несмотря на седину, он выглядит молодым. А я рядом с ним – точно школьница, с фиалками в рыжих волосах, с растерянной улыбкой.

Сэр Фрэнсис толкнулся лапами, спрыгнул на постель и принялся рьяно вылизывать бок, словно обнаружил непростительный беспорядок на теле. Я убрала сумочку в шкаф и надела домашние туфли.

В дверь постучали. Решительный, мужской стук.

– Невил? Войдите.

Садовник переступил порог. Красный, взъерошенный, злой, очки едва держатся на кончике носа, в кулаке зажат какой-то прут.

– Мадам, я желаю получить расчет. Сегодня.

– Господи, Невил! Что стряслось?

– Я ухожу, – он вздернул небритый подбородок.

– Почему?

– Вот почему! – он разжал кулак и швырнул прут на столик с фотографией. Вместе с прутом упал рыжеватый сушеный листок, прокатился по лакированной столешнице, свалился на пол.

– Да что с вами, Невил?!

Никогда прежде не случалось мне видеть садовника в таком гневе. Он был добрым приятелем Джона – и со мной держался учтиво и дружелюбно, даром что не позволял срезать цветы.

– Миссис Гленн, – садовник надвинулся на меня и покраснел еще больше, – инспектор-то Филдс был прав, а?

Я попятилась. Он продолжал:

– Не подвело ищейку чутье. Старина Филдс не дурак. Искал он убийцу в доме – да, видать, плохо искал.

– Не подходите! Невил! – Струхнув, я рванулась к кнопке звонка, чтобы вызвать Мэй, но садовник поймал меня за руку.

– Не надо, миссис Гленн. Я никому не скажу. – Лицо дернулось в гадливой гримасе. – Мистер Гленн мне простит. Боюсь, что и вам бы простил.

– О чем вы?

– Об осе, мадам. – Словно плюнул в глаза. – О рыжей осе! – И с тем он ушел.

Что он вбил себе в голову? И что принес? Я обернулась к столику, на который Невил бросил свой прут. Обыкновенная веточка, ровная, сухая. И еще был какой-то лист – он упал. Я нагнулась посмотреть.

На ковре лежал полосатый крючок. Сушеная оса! Крылышек у нее не было.

Садовник нашел осу и прутик – но при чем тут я?!

– Невил! – выскочив из спальни, я побежала по закругленному коридору к лестнице: комнаты прислуги находились на первом этаже. – Невил! – Остановилась. Что я скажу? Что не сажала осу Джону на шею? Я это повторяла сотню раз.

Вернувшись в спальню, я заперла дверь на ключ, повалилась на постель и обняла кота. Из-под век сочились слезы; Сэр Фрэнсис громко урчал.

Затем я успокоилась, умылась и припудрила нос. Пусть не английская леди, а всего-навсего линдон-айлендская, однако не пристало ей ходить зареванной.

– Мадам, – в дверь поскреблась деликатная Мэй, – Невил говорит... – она запнулась. – Не понимаю, что на него накатило...

– Спасибо, Мэй. Сейчас спущусь.

Я выписала чек на причитающуюся Невилу сумму. Сначала думала накинуть вдвое, да спохватилась: он сочтет, что надбавка – плата за молчание. Нет уж. Лучше потом возьму его снова на место.

Спустилась на первый этаж. Дверь в комнату садовника была нараспашку, у порога приплясывала Сюзи в засыпанном мукой фартуке. Круглые глазищи кухарки сверкали, она изнемогала от желания узнать, из-за чего я поцапалась с Невилом.

– Ну так чего она? Из-за цветов обиделась? Я ж говорила – зря не пускал на клумбы... – Сюзи заметила меня. – Ой, рагу подгорит! – она помчалась на кухню, откуда и впрямь несло горелым.

Я шагнула через порог.

– Невил, ваше жалованье.

Он с угрюмым видом вытаскивал из шкафа одежду и бросал на постель – за годы службы в доме оброс барахлом. Куда он подается? Насколько я знаю, в Линдон-Тауне у него из родни никого, разве что где-нибудь в деревне.

– Невил. – Я стояла с чеком в протянутой руке.

Он нехотя обернулся, сумрачно глянул поверх очков и будто через силу забрал чек. Прощедил:

– Благодарю, мадам.

– Невил, я не в силах ничего доказать, но...

– Оставьте, – грубо перебил он.

– Я по-прежнему считаю вас своим другом, – проговорила я. Чего мне стоил ровный тон! – Место садовника для вас всегда свободно.

Он выругался и поднял руку, точно желая вытолкнуть меня вон. Я ушла. С гордо поднятой головой миновала посторонившуюся Мэй, выдержала любопытный взгляд высунувшейся из кухни Сюзи, заставила себя не бежать вверх по лестнице. Однако в спальню ворвалась так, словно за спиной гудело пламя.

– Фрэнсис!

Развалясь на постели, кот вылизывал брюхо. Даже головы не поднял. «Не отрывай от важного дела.» Я схватила со столика фотографию, сжала в ладонях. Джон! Ну почему его больше нет?! Весь город подозревает меня в убийстве – и никто меня не защитит, никто, никто! Да еще эта дурацкая оса без крыльев. Зачем Невил притащил ее в дом? Где он ее откопал?

Я подняла сушеный крючок с ковра и положила на стол. Гадость какая. Ненавижу осу.

Походила по комнате, отдышалась. Надо позвонить Лоу: он как раз интересовался странными событиями. Вынув из сумочки визитку, я набрала номер.

– Сыскное агентство Лоу, – отозвался сыщик.

– Говорит Кэтрин Гленн. Мистер Лоу, у нас происшествие. – Я постаралась без лишних эмоций рассказать про садовника и осу.

Детектив выслушал все, затем сказал:

– Если не возражаете, я к вам подъеду.

– Конечно.

На душе стало веселей.

– Сэр Фрэнсис, – я почесала кота за ухом, – в Линдон-Тауне есть человек, который мне верит.

Сиамец заурчал и растянулся на покрывале во всю длину.

Озябнув от пережитого, я накинула плащ и вышла из дома. Лестничные ступени золотил пронзивший облака солнечный луч, в каменных вазах сияли шедевры Невила: композиции из белых, оранжевых, фиолетовых цветов. Я двинулась по аллее к воротам. Автоматика вышла из строя неделю назад, из дома ворота не открыты. Надо вызвать мастера, да все как-то недосуг... Чепуха. Мне просто неохота этим заниматься: после смерти Джона я за руль не сажусь, гостей не зову, а Мэй, когда едет в прачечную или за покупками, великолепно справляется с воротами вручную. Безделье, – подвела я итог, – вот что меня губит. Надо найти себе дело, занять чем-нибудь ум и руки... Впрочем, доказывать свою невиновность – это ли не занятие для молодой вдовы?

Детектив прибыл на велосипеде: невзирая на объемистое брюшко, он лихо подкатил к воротам и молодецки спрыгнул наземь.

– К вашим услугам, миссис Гленн.

Я закрыла чугунные створки, заперла на ключ; обратно Лоу выйдет через калитку. Мы двинулись к дому; сыщик вел свой транспорт за руль. Золотой луч погас, однако небо уже не хмурилось, в облаках угадывался белый диск солнца.

– Вы служили в армии? – спросила я.

– Как вы догадались?

– Не знаю. В вас есть нечто эдакое... от бывшего морского пехотинца.

Детектив усмехнулся.

– Верно. Однако частный сыск мне больше по душе. Миссис Гленн, что именно вы получили в наследство после мужа?

– Деньги – на банковском счету и в ценных бумагах. Этот дом, отель в Бате. И еще Эстридж-Касл.

О существовании Эстридж-Касла я узнала из завещания; при жизни Джон о нем не упоминал. А после его смерти я ни у кого не спрашивала: наследство Джона было в Гленн-холле запретной темой. Я понятия не имела, в какой части страны Эстридж-Касл находится и что

из себя представляет, и до сих пор не удосужилась посетить владения. Точней, не посмела. В душе засело убеждение, что и деньги, и отель, и Эстридж-Касл принадлежат Джону, а я совершенно ни при чем. Расскажи я кому-нибудь о своей щепетильности, меня бы посчитали дурой; но сейчас выложила все это детективу, и он отнесся с пониманием. Кажется, он загодя знал ответ на свой вопрос и лишь уточнял для себя нюансы.

Лоу прислонил велосипед к вазе у подножия лестницы.

– Миссис Гленн, с вашего позволения, я гляну на осу, а затем потолкую с садовником.

Мы поднялись на второй этаж, я открыла дверь в спальню – и опрометью кинулась через порог.

– Фрэнсис! Кыш!

Свадебная фотография валялась на полу, а кот сидел на столике и лапой гонял по столешнице прут. Осы не было видно.

– А ну пошел!

Сиамец с обиженным видом прыгнул на пол.

– Где оса?!

Изогнув коричневый хвост, кот направился к двери. Я сунулась под столик, обшарила взглядом ковер. Там лежали крошечные желтые хлопья: Сэр Фрэнсис Дрейк самолично расправился с врагом.

– Ах ты паскудник!

– Мррра-а! – Сиамец толкнул головой неплотно прикрытую дверь и был таков.

– Мистер Лоу, он сожрал осу!

Детектив неопределенно хмыкнул, взял со стола прут, покрутил в руках. Потом вынул из кармана лупу и рассмотрел прут через стекло.

– Так значит, оса была без крыльев?

– Без.

Детектив попросил салфетку и завернул в нее прут.

– Это улика?

– Боюсь, что да. Дайте-ка еще салфетку.

Сыщик опустился на колени и стал собирать обслюнявленные желтые хлопья. Я бросилась помогать.

– Это вторая улика?

– Угадали. Не знаю, сохранилось ли тут что... – Лоу сложил салфетку и сунул в нагрудный карман. – Миссис Гленн, пожалуй, я согласен с садовником: вашего мужа и впрямь убили.

– Кто? – глупо спросила я.

Детектив пожал плечами.

– Оса была спинкой приклеена к палочке – на коре остались следы клея. Крылья ей оторвали, чтоб не жужжала. Некто подошел к мистеру Гленну и коснулся палочкой его шеи. Оса тут же впилась – и конец.

Я опустилась на стул.

– Но... но... это невозможно, мистер Лоу! У Джона не было врагов.

– Вы уверены?

– Убеждена. Он был честен и великодушен. Не был связан с преступным миром, никого не шантажировал...

– Однако имел большие деньги.

– Да ведь их получила я! Инспектор Филдс без конца талдычил: никто не выиграл от смерти Джона, я одна. Но вы же не скажете, что... Я-то как раз все потеряла!

– В таком случае, – Лоу задумчиво пожевал губу, – нам предстоит найти другого человека, который что-то получил. Либо имел причину отомстить.

Я сжала пальцами виски. Бедный Джон!

– Мистер Лоу, я понимаю: вам придется рыться в его прошлом. Я сама знала Джона так мало... В прошлом может таиться всякое. И нельзя, чтобы это вылезло наружу, чтобы снова трубили газеты. Если вы найдете...

– Если я отыщу убийцу мистера Гленна, – перебил детектив, – поставлю в известность полицию. В этой стране есть законы, которые мы обязаны соблюдать. – Лоу помолчал и жестко добавил: – Иначе я отказываюсь вести ваше дело о блондине на фотографии.

Ох. Из-за скандала с Невилом, из-за сгрызенной котом осы я и думать забыла о снимке. А ведь коли сыщик не поможет, темноглазый окажется в беде.

– Извините, мистер Лоу. Поступайте, как считаете нужным.

– То-то же. – Он оттаял. – Кстати, на вашем месте я бы установил охранную сигнализацию и нанял двух-трех ребят караулить дом. А сейчас покажите мне библиотеку.

Разумеется: весь Линдон-Таун в курсе, где умер Джон.

Мы прошли по закругленному коридору мимо спальни Джона, и сыщик безошибочно толкнул нужную дверь. Библиотека занимала четвертую часть верхнего этажа. Два французских окна открывались на террасу, с которой шла лестница в сад. В простенке между окнами стояло кожаное кресло с накинутой рысей шкурой, еще одно кресло находилось у камина. Джон, бывало, подолгу смотрел в огонь, поддавшись магии пляшущих язычков. Книг на полках было собрано множество, в том числе старинных, уникальных. По моему разумению, библиотеке не было цены.

Лоу подошел к креслу, накрытому шкурой.

– Здесь?

– Да. – Голос мне изменил, пришлось откашляться. – Тут он и был, когда его нашли. Сполз с кресла... Джон был ранней пташкой, часто сиживал в библиотеке, когда я еще спала. Вот и в то утро... Погода стояла теплая, окно нараспашку. Осы и прежде не раз влетали. Джон их никогда не давил – выгонял... Я думала: трагическая случайность. А получается, кто-то зашел с террасы и принес осу.

Лоу отворил окно, постоял, оглядывая террасу, лестницу и лужайку у ее подножия. За лужайкой начиналась «дикая» часть сада: кустарник, узкие тропы, скрытая в чаще беседка, увитые плющом декоративные руины, одинокие каменные столбы с чашами наверху. Романтический пятачок, где можно почувствовать себя вдали от городской жизни. Детектив закрыл створки.

– Спасибо, миссис Гленн. Теперь пойдемте к садовнику.

Невила мы нашли на кухне. Мрачнее тучи, он поглощал горелое рагу, а с двух сторон на стол навалились Сюзи и Мэй. Девчонкам до смерти хотелось вызнать, что стряслось в доме.

– Ну скажи, а? – канючила Сюзи. – Чего ты такой вредный?

– Невил, миленький, пожалуйста, – подпевала Мэй.

Голосок у нее ангельский, мордашка прелесть; из садовника она вила веревки, но сегодня он держался стойко. Увидев нас с Лоу, он положил вилку; Сюзи и Мэй отскочили от стола.

– Это Рой Лоу, частный сыщик, – представила я. – Мистер Лоу, познакомьтесь: Невил Бартли.

Невил поднялся, поправил на носу очки.

– За каким чертом ты сюда привалил? – приветствовал он детектива.

Сыщик расплылся в улыбке.

– Прознал, как ты клумбы топчешь, букашек собираешь, – вот и заглянул навестить. Привет, дружище, – он протянул Невилу руку.

Садовник потряс ее, снова поправил сползшие очки.

– Идем, покажешь, где всяких тварей достаешь. Сушеных, на палочке. – Лоу повел его из кухни.

Поскольку сыщик не запретил мне их сопровождать, я направилась следом. Мэй с Сюзи тоже рванулись, но я обернулась со строгим лицом; они сделали вид, будто и не думали покидать кухню.

Мы огибали дом. Я разглядывала мужчин со спины: ловкий, подвижный сыщик, легко несущий объемистое брюшко; и худой, сутулый Невил, чуть косолапый, с вечно спадающими очками. Почему он не купит себе нормальную оправу, чтобы плотно сидела на носу? Может, он так занят садом, что не приходит в голову позаботиться о себе? Или же смерть Джона настолько его подкосила – и ему все равно?

Невил что-то сказал, Лоу в ответ засмеялся.

– Бог с тобой! – расслышала я. – Миссис Гленн нисколько... – он понизил голос.

Что – «нисколько»? Не помешает? Не виновата? Ему известно нечто, чего не знаю я. Еще бы: я и года не прожила в Линдон-Тауне, а он тут держит сыскное агентство. В его кабинете – два стола; один из них пуст. Наверное, раньше был компаньон, да куда-то делся... Я вспомнила незнакомца на фото, ради которого явилась к Лоу. Пусть детектив вовремя его разыщет. Хоть бы с темноглазым не приключилось беды!

Мы вышли на лужайку, куда вела лестница из библиотеки, пересекли ее и нырнули в заросли. Сирень, боярышник, калина – много чего там росло. Тропа уткнулась в полянку с декоративной вазой на пьедестале. Ваза была из красной яшмы. Широкая, с затейливым орнаментом по краю; в ней стояла дождевая вода, на дне темнел слой грязи.

– Вот где лежала, оса эта, – Невил ткнул пальцем под вазу. – Приклеенная к пруту.

Лоу наклонился, рассматривая указанное место. Я тоже сунулась поглядеть. Укромное сухое местечко, и ветер не задувает. Не диво, что прутик с осой невредимый пролежал с июня.

– Как ты ее заметил? – спросил сыщик.

– Думал вазу чистить. Воду собрался черпать; ну, и под низом посмотрел. Заодно. А она и лежит себе. Как бросили. – Невил повернулся ко мне спиной.

Лоу выпрямился, потоптался, оглядывая заросли кругом.

– Зря ты думаешь на миссис Гленн. Она бы сожгла осу в камине, а не стала бросать в саду, чтоб ты наткнулся.

Садовник обернулся, открыл рот – и захлопнул его, ничего не сказав.

– Точно тебе говорю, – продолжал сыщик. – Убийца вышел из библиотеки, спустился по лестнице и двинулся через сад. По дороге выбросил прут, а тот случайно угодил под вазу... или не случайно.

Садовник растерянно заморгал, сдернул очки, снова нацепил.

– Э-э... миссис Гленн... – начал он, переминаясь. – Видать, я погорячился. Вы уж того... не сердитесь. – Лицо залила краска, и стало еще заметней, какой он неухоженный и несчастный.

– Невил, я же сказала: место остается за вами. Так что повесьте одежду обратно в шкаф... а чек оставьте себе. В конце месяца я выпишу новый.

– Не надо мне лишнего, – буркнул он и достал из кармана сложенный чек. – Заберите. Забрала. Потом придумаю, как сделать ему приятное.

Втроем мы обошли сад, побывали в его потайных закоулках. Лоу рыскал в декоративных руинах, в камнях искусственного водопада, осматривал постаменты мраморных дриад, как будто рассчитывал отыскать вторую осу на палочке. Не нашел и двинулся вдоль садовой ограды, разглядывая кованую решетку и столбы с фонарями наверху. Круглые фонари были обтянуты золоченой сеткой. На моей памяти они зажигались только раз – в день нашей с

Джоном свадьбы. Сыщик добрался до задней калитки, подергал ее; металл гулко отозвался. С той стороны была улица – тихая, благополучная, с особняками обеспеченных горожан.

– Заперто, – сказал Невил. – Сто лет не открывали; уж и замок сгнил.

Лоу не поверил на слово, осмотрел старинный замок, посветил в скважину тонким фонариком.

– А ключ у кого?

– У меня. Говорю тебе: сгнило все, ржа проела.

– Мистер Лоу, – вмешалась я, – если кто-то убегал садом, нетрудно было махнуть через верх.

– Да, – согласился он. – На глазах у почтальона, молочника и случайных прохожих. Было утро, но не такое уж раннее. Слушай, приятель, неси-ка ключ: проверим.

Невил ушел и через несколько минут вернулся; сунул фигурный ключ в скважину. Ни скрежета, ни стона – ключ повернулся, точно в масле. Садовник толкнул, и калитка беззвучно отворилась. Лоу картинно развел руками.

– Что скажете, мистер Бартли?

Невил не нашелся с ответом.

– Тогда я вам скажу. Механизм недавно заменили. Сделали копию старого замка и поставили на его место.

– Но я-то слыхом не слыхал! – возмутился садовник.

Лоу повел плечами.

– Мистер Гленн не обязан был тебе докладывать. Он готовил дом и сад к приезду будущей жены, повсюду наводил порядок. У кого еще был ключ?

– Понятия не имею! – Невил не на шутку разозлился.

Еще бы: он саду начальник, а тут без его ведома творится такое.

– У Джона был ключ, – заметила я. – Он мог еще кому-нибудь дать.

Детектив кивнул.

– Вы правы, мадам. Кстати, на досуге поищите ключ мистера Гленна. Невил, запирай. Идемте; уже скоро стемнеет.

Я проводила сыщика до ворот. Следовало обговорить один деликатный вопрос.

– Мистер Лоу, я стараюсь поменьше тратить деньги Джона на себя. Но когда речь идет о том, чтобы поймать его убийцу...

– Бросьте. Я не возьму с вас ни пенни.

– Почему?

– Я остался кое-что должен вашему супругу; надо отработать. Всего доброго, миссис Гленн. – Сыщик оседлал велосипед. – Звоните в любое время; и не забудьте нанять охрану.

Глава 3

У меня не хватило духу сразу заняться поисками ключа от калитки. Я вообще до сих пор не рылась ни в вещах Джона, ни в его бумагах. Они принадлежали ему одному, и рука не поднималась открыть ящики его письменного стола или крышку секретера. Ключ подождет до утра.

А утром все полетело вверх тормашками.

Я завтракала в спальне, когда в доме раздался звонок: кто-то стоял за воротами и желал войти. Чтобы впускать посетителей, у нас есть Мэй и Невил. Я скинула халат и вошла в домашнее платье цвета мокрого асфальта. Если не придираться, оно сойдет за траурное одеяние.

В дверь постучалась Мэй; хорошенькая мордашка горничной была чуть бледна.

— Мадам, пришли мисс Лина Тейлор и мистер Эдвард Вест. Они спрашивают мистера Гленна. Я проводила их в нижнюю гостиную.

— Вы сказали?...

— Нет. — Большие глаза Мэй сделались несчастными. — Только, что вместо мистера Гленна их примете вы.

— Благодарю вас.

Мэй судорожно вздохнула. Она была сильно привязана к Джону.

Я сошла вниз. В доме две гостиные и две столовые — в центральной части обоих этажей. Их опоясывает коридор, куда открываются двери прочих комнат, и в них, само собой, нет окон. На втором этаже окна заменяет стеклянный фонарь, а в нижней гостиной — зеркальный потолок, и висит бронзовая люстра с хрустальными подвесками. Стены обиты кремовым шелком с лиловыми цветами, мебель обтянута тканью в тон, а все, что есть деревянного, инкрустировано перламутром: подлокотники, ножки, столешницы, рамы картин, на которых в японской манере изображены цветы и птицы. Впуская гостей, Мэй зажгла люстру, и комната сияла и искрилась. Гости стояли посреди гостиной.

— Доброе утро. Я — Кэтрин Гленн.

Лина Тейлор шагнула навстречу. Миниатюрная, грациозная брюнетка; волнистая челка закрывает лоб, подстриженные волосы льнут к щекам, придавая лицу особую пикантность. Точь-в-точь француженка. На Лине была зеленая блуза навыпуск, бриджи и туфли на каблуке, на плече висела кожаная сумка. Однако это я разглядела после, а поначалу во все глаза смотрела на Эдварда Веста.

Блондин. Тот самый, со снимка. Живой! Киллеры до него не добрались. Это же он, он!

Длинные глаза цвета спелого каштана и такие густые ресницы, что глаза казались подведенными. Темные брови вразлет, тонкий нос, твердые губы; именно они придавали мужественность необыкновенно изящному лицу. Ему было лет двадцать девять — тридцать; одет был неброско, но дорого.

— ...мистеру Гленну.

Я вздрогнула, очнувшись. Оказывается, «француженка» что-то говорит.

— Садитесь, пожалуйста. — Сделав над собой усилие, я превратилась в любезную хозяйку дома. — Вот сюда, в эти кресла. Хотите чаю? Кофе?

— Нет, нет! — Лина тряхнула головой; черные волосы колыхнулись и снова прильнули к щекам. — Сейчас объясню, зачем мы пришли. То есть, Тед вовсе ни при чем, он за компанию увязался. Ребенком я жила по соседству, на Мюррей-Стрит. Родители были дружны с мистером Гленном; он меня баловал, как племянку. Дарил всякую чепуху... Для девчонки это были сокровища. Зеркальце, заколка для волос, какая-нибудь хитрая шкатулка.

Узнаю Джона, с грустью подумала я. Он обожал дарить чепуху, от которой люди делались счастливыми. «Французенка» продолжала:

– Однажды случился ужасный конфуз. Родители уехали на уик-энд, а у Фанни – подружки моей – день рождения. Я ей вазочку купила; деньги копила полгода. И в самый последний день эта вазочка возьми да и выпрыгни из рук. Вдребезги. Вот горе-то! Я вытащила у отца из стола два фунта, купила кошелек, подарила Фанни. А вечером ноги домой не идут. Отец у меня строгий был! Я в слезах, плетусь еле-еле. И вдруг – навстречу мистер Гленн. Спрашивает, что стряслось. Я ткнулась лицом ему в живот да как зарыдаю. Он успокоил меня, расспросил. Выдал два фунта и велел положить на место. Отец так и не узнал. А меня всю жизнь совесть мучила: тех денег мистеру Гленну не вернула. Мы долго жили за границей, потом в Лондоне... Вчера с Тедом приехали сюда, я думаю: пора! И вот пришла. – Лина полезла в сумку, вынула белый конверт и протянула мне. – Это мой долг. Передайте, пожалуйста, мистеру Гленну.

Я невольно откинулась назад.

– Мало отдаешь, – вмешался Тед. – С той поры громадные проценты выросли. – Он шутил, конечно. Голос был необыкновенный; он уже смолк, но казалось, что по комнате гуляет отзвук: словно тронули басовую струну, и она еле слышно поет, замирая.

У «французенки» внезапно расширились глаза; Лина глядела мне за спину. Я обернулась.

Прежде стоявший у стены пуфик бежал по паркету, а сама стена ломалась и проваливалась внутрь. Я отчетливо видела, как лиловые цветы на кремовом фоне летят в воздухе, разворачиваясь ко мне. Пуф набирал скорость. Лина издала тонкий писк, Тед кинулся к взбесившейся стене. Дверь! Вторая дверь гостиной, которая всегда заперта! Она распахнулась, а в комнату спиной вперед ввалился человек. Тед успел его подхватить и не дал растянуться на полу.

– Спокойно, – проговорил он. – Это Дэйв. Ты однажды убьешься, чучело.

Всплеснув руками, Лина захохотала. Дэйв утвердился на ногах и улыбнулся.

– Прошу прощения, миссис Гленн. Со мной всегда так. Стоит сесть на стул, он оказывается колченогим; прислонюсь к стене – она превращается в дверь. А что вытворяют ступеньки! Ну, прямо издеваются. Так и норовят сшибить с ног.

Я обнаружила, что смеюсь вместе с Линой. Дэйв был обаятелен и потешен. Славная физиономия, обезоруживающая улыбка, шальные глаза, встрепанная русая шевелюра. Он потряс головой, пригладил челку, и волосы легли на место. Одернув куртку, он осведомился:

– Что дальше?

– Можешь еще раз грохнуться. – Тед обернулся ко мне. – Извините, миссис Гленн. Это недоразумение – мой шофер.

Мы с «французенкой» заливались. Внутри у меня таяли ледышки, которые много месяцев не давали жить. После смерти Джона я впервые смеялась!

– Тед, – сквозь смех вымолвила Лина, – прибавь Дэйву жалованье. Вот циркач!

Дэйв закрыл дверь, придвинул к ней пуф. Неужто дверь не была заперта? И почему шофер оказался в доме? Впрочем, подобная бесцеремонность обычна для коренных лондон-айлендцев, к тому же Дэйв слишком забавен, чтобы на него сердиться.

Его шальные глаза обежали гостиную и остановились на мне. Глаза были зеленые, с рыжими лучиками – словно за зрачком пряталось солнце.

– А что, мистера Гленна нет дома?

– Джон убит.

Не знаю, какой черт потянул меня за язык, – ведь даже от Сюзи и Мэй мы скрыли вчерашнюю находку.

– Как? – выдохнул Тед. – Убит?!

– Когда?! – вскричала «француженка».

– Простите, ради Бога, – виновато пробормотал Дэйв. Он подтянул себе пуф, хотел сесть – и чуть не свалился. Взмахнул руками, стукнулся костяшками о подлокотник кресла, зашипел, затряс кистью. – Проклятье! Вечно тут всякая дрянь...

– Заткнись, – велел Тед. – Кэти, что случилось?

Он назвал меня «Кэти», словно был добрым другом. В удивительном, чарующем голосе звучало искреннее участие. И я рассказала. Они были такие симпатичные, все трое. Будто пришедшие из-за невидимой стены – из мира, где течет нормальная жизнь и люди умеют шутить и смеяться, где не душит траур и одиночество. Затем я показала им библиотеку и вазу, под которой Невил нашел осу на палочке.

– Ужас какой, – шептала Лина. – Господи, вот ужас...

– Вы сообщили в полицию? – спросил Тед.

– Нет. – Я собралась рассказать, что наняла частного детектива, но прикусила язык. Ведь я обратилась к Лоу совсем по другому поводу. – Еще не решила...

Дэйв сломил несколько веточек и принялся бросать их, как человек, который на ходу пытается избавиться от орудия убийства. С четвертого раза прутик угодил под вазу.

– Если расстараться, можно и попасть. Кэт, у вас в обычае выбалтывать семейные тайны первым встречным? – Зеленые глаза с рыжими лучиками прищурились. – Правда в том, что Тед – убийца, а Лина – сообщница. А вы им все выложили за здорово живешь.

У «француженки» с лица сбежала краска; Тед сжал кулаки, глаза сверкнули.

– Идиот, – процедил он после мгновенной паузы.

Лина перевела дух, возмущенно дернула плечом.

– Не смешно!

– Жаль, – не моргнув глазом заявил шофер. И обезоруживающе улыбнулся. – Видели? Они едва не поверили в свою виновность. Хотя в июне, когда произошло убийство, Теда не было в Англии. Я лично крутил баранку и возил его по Европе.

– Спасибо, что подтвердил алиби, – фыркнула Лина. – Кэти, не обращайтесь внимания. Дэйв что ни день откалывает номера; бывает и похуже. Не понимаю, отчего он до сих пор не уволен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.